

Ванина Ванини / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Ванина Ванини / новелла ВАНИНА ВАНИНИ

Это случилось весенним вечером 182... года. Весь Рим был охвачен волнением: пресловутый банкир герцог де Б. давал бал в новом своем дворце на Венецианской площади. В убранстве этого дворца сочеталось все великолепие искусства Италии и все ухищрения лондонской и парижской роскоши. Съехалось множество гостей. Английские аристократки – чопорные белокурые красавицы – сочли за честь появиться на балу у банкира. Они слетелись целым роем. Красивейшие женщины Рима соперничали с ними прелестью.

В залу вошла под руку с отцом молодая девушка: сверкающие глаза и волосы, черные, как вороново крыло, изобличали в ней римлянку; все взгляды устремились на нее. В каждом ее движении сквозила необычайная гордость.

Гостей-иностранцев поражала пышность этого бала. «Никакие празднества монархов Европы не могут с ним сравниться», – говорили они.

У монархов Европы нет дворцов, созданных итальянским зодчеством; они вынуждены приглашать своих придворных дам, между тем как герцог де Б. приглашал только красивых женщин. В этот вечер его выбор оказался особенно удачен: мужчины были ослеплены. Собралось столько пленительных женщин, что трудно было решить, кому отдать пальму первенства. Но после недолгих колебаний царицей бала единодушно провозгласили княжну Ванину Ванини, черноволосую девушку с огненным взором. Тотчас же иностранцы и молодые римляне, покинув гостиные, столпились в бальной зале.

Отец девушки, князь Аздрубале Ванини, пожелал, чтобы она прежде всего протанцевала с двумя-тремя немецкими владетельными принцами. Затем она приняла приглашение нескольких англичан, весьма красивых и весьма знатных, но их накрахмаленный вид наскучил ей. Больше удовольствия ей, казалось, доставляло мучить молодого Ливио Савелли, по-

видимому, страстно в нее влюбленного. Ливио был одним из самых блестящих молодых людей в римском обществе и тоже носил княжеский титул; но, если б ему дали почитать какой-нибудь роман, он на двадцатой странице отбросил бы книгу, заявив, что у него разболелась голова; в глазах Ванины это было большим недостатком.

Около полуночи на балу распространилась новость, которая вызвала много разговоров. В этот самый вечер из крепости Святого Ангела [1] бежал, перерядившись, содержащийся в заключении молодой карбонарий; уже достигнув последних ворот тюрьмы, он в пылу романтической отваги напал с кинжалом на солдат охраны, но его самого тоже ранили. Сбиры [2] гонятся за ним по кровавым следам и надеются поймать его.

Пока все толковали об этом побеге, дон Ливио Савелли, восхищенный прелестью и успехом Ванины, почти обезумев от любви, воскликнул, провожая ее к креслу после танцев:

– Но скажите, бога ради, кто мог бы понравиться вам?

– Молодой карбонарий, бежавший сегодня из крепости. По крайней мере он что-то совершил, а не только дал себе труд родиться.

Князь Аздрубале подошел к дочери. Этот богач уже двадцать лет не требовал отчета от своего управителя, а тот давал ему в долг под весьма высокие проценты его же собственные деньги. Встретив князя на улице, вы приняли бы его за старого актера; вы даже не заметили бы, что пальцы у него унизаны массивными перстнями с очень крупными бриллиантами. Оба его сына вступили в орден иезуитов [3], затем сошли с ума и умерли. Он забыл их, а на свою единственную дочь Ванину гневался за то, что она не выходит замуж. Девушке уже девятнадцать лет, а она отвергает самые блестящие партии. В чем тут причина? Причина была та же самая, которая побудила Суллу [4] отречься от власти: презрение к римлянам.

[1] Крепость Святого Ангела – старинная тюрьма в Риме.

[2] Сбиры – полицейские стражники.

[3] Иезуиты – могущественный католический монашеский орден, основанный в XII веке.

[4] Сулла (138 – 78 гг. до нашей эры) – римский военачальник,

противник народной партии.

Наутро после бала Ванина заметила, что ее отец, человек на редкость беззаботный, никогда в жизни не бравший в руки ключа, чрезвычайно старательно запер дверь на узкую лесенку, которая вела в комнаты, расположенные на четвертом этаже дворца. Окна этих комнат выходили на террасу, заставленную апельсиновыми деревцами в кадках.

Ванина отправилась в город с визитами; когда она возвратилась, парадный подъезд был загроможден сооружениями для иллюминации, и карета въехала через задний двор. Ванина подняла глаза и, к удивлению своему, увидела, что в одной из комнат, которые так тщательно запер отец, отворено окно. Отделавшись от своей компаньонки, она поднялась на чердак и, поискав, нашла там забранное решеткой окошечко напротив террасы с апельсиновыми деревьями. Раскрытое окно, заинтриговавшее ее, было в двух шагах. В комнате, очевидно, кто-то поселился. Но кто?

На следующий день Ванине удалось достать ключ от дверцы, которая вела на террасу с апельсиновыми деревьями. Крадучись, она подошла к окну – оно все еще было открыто. Ванина спряталась за решетчатым ставнем. У задней стены комнаты она увидела кровать. Кто-то лежал на ней. Ванина смутилась, хотела убежать, но вдруг заметила женское платье, брошенное на стул. Присмотревшись, она различила на подушке белокурую голову; лицо показалось ей совсем юным. Теперь она уже не сомневалась, что это женщина. Платье, брошенное на стул, было все в крови; кровь запеклась и на женских туфлях, стоявших на столе. Незнакомка пошевелилась, и тогда Ванина заметила, что она ранена: грудь ей стягивала полотняная повязка, на которой расплылось кровавое пятно; повязку придерживали какие-то тесемки – видно было, что она сделана отнюдь не руками хирурга.

Ванина стала замечать, что теперь ее отец ежедневно около четырех часов дня запирается в своих комнатах, а затем идет навещать знакомку; он оставался у нее очень недолго, а возвратившись, тотчас же садился в карету и отправлялся к графине Вителлески. Как только он уезжал, Ванина поднималась

на маленькую террасу и наблюдала за незнакомкой. Она чувствовала глубокую жалость и симпатию к столь юной, столь несчастной женщине и пыталась разгадать ее историю. Окровавленное платье, брошенное на стул, казалось, было изодрано ударами кинжала. Ванина могла сосчитать на нем дыры.

Однажды она более отчетливо разглядела незнакомку: та лежала неподвижно, устремив в небо голубые глаза, словно молилась, и вдруг ее прекрасные глаза наполнились слезами. В эту минуту княжна едва удержалась, чтобы не заговорить с нею.

На следующий день Ванина решила спрятаться на террасе перед появлением отца. Она видела, как дон Аздрубале вошел к незнакомке; он нес в руке корзиночку с провизией. Князь явно был встревожен, говорил мало и так тихо, что Ванина ничего не расслышала, хотя он не притворил застекленную дверь. Он вскоре ушел.

«Должно быть, у этой бедняжки очень опасные враги, – подумала Ванина, – раз мой отец, человек такой беспечный, не смеет никому довериться и ежедневно сам поднимается сюда по крутой лестнице в сто двадцать ступеней».

Однажды вечером, когда Ванина, осторожно приблизившись, заглянула в окно, взгляд ее встретился со взглядом незнакомки, и все открылось. Ванина бросилась на колени и воскликнула:

– Я люблю вас, я ваш друг!

Незнакомка жестом попросила ее войти.

– Простите меня, простите, пожалуйста, – твердила Ванина. – Наверно, мое глупое любопытство кажется вам оскорбительным. Клянусь, я все сохраню в тайне, а если вы пожелаете, я больше никогда не приду.

– Для кого не было бы счастьем видеть вас! – сказала незнакомка. – Вы живете здесь, в этом дворце?

– Конечно, – ответила Ванина. – Но вы, по-видимому, не знаете меня: я Ванина, дочь князя Аздрубале.

Незнакомка удивленно взглянула на нее и, густо покраснев, добавила:

– Позвольте мне надеяться, что вы будете приходить каждый день, но я не хотела бы, чтобы князь знал об этом.

Сердце у Ванины сильно билось. Все манеры незнакомки казались

ей исполненными достоинства. Эта несчастная молодая женщина, вероятно, оскорбила какое-то могущественное лицо, а может быть, в порыве ревности убила своего возлюбленного. Ванина и мысли не допускала, чтобы причина ее несчастий могла быть заурядной. Незнакомка сказала, что она ранена в плечо и в грудь и ей очень больно. Часто у нее идет горлом кровь.

– И к вам не пригласили хирурга? – воскликнула Ванина.

– Вы же знаете, что в Риме, – сказала знакомка, – хирурги обязаны немедленно сообщать в полицию обо всех раненых, которых они лечат. Князь так милостив, что сам перевязывает мне раны вот этим полотном.

Знакомка с благородной сдержанностью избегала сетовать на свои несчастья. Ванина была без ума от нее. Только одно очень удивляло княжну: она не раз замечала, что во время этого серьезного разговора знакомка сдерживала внезапное желание засмеяться.

– Мне хотелось бы знать ваше имя, – сказала княжна.

– Меня зовут Клементина.

– Так вот, дорогая Клементина, завтра в пять часов я приду навестить вас.

На следующий день Ванина увидела, что ее новой подруге стало хуже.

– Я позову к вам хирурга, – сказала Ванина, целуя ее.

– Нет, лучше умереть! – возразила знакомка. – Я ни за что не соглашусь повредить своим благодетелям.

– Подождите! Хирург монсиньора Савелли-Катанцара, губернатора Рима, – сын одного из наших слуг, – торопливо заговорила Ванина. – Он привязан к нам, а благодаря своему положению может никого не бояться. Напрасно мой отец не доверяет его преданности. Я сейчас пошлю за ним.

– Не надо, не надо! – воскликнула знакомка с волнением, удивившим Ванину. – Приходите навещать меня, а если бог призовет меня к себе, я буду счастлива умереть на ваших руках.

На другой день знакомке стало совсем плохо.

– Если вы любите меня, – сказала ей Ванина на прощание, – согласитесь принять хирурга.

– Если он придет, счастье мое рухнет.

– Я пошлю за хирургом, – настаивала Ванина.

Незнакомка, не отвечая, удержала ее и приникла губами к ее руке. Наступило долгое молчание; у незнакомки слезы навернулись на глаза. Наконец она выпустила руку Ванины и с таким видом, будто шла на смерть, сказала:

– Я должна вам признаться: позавчера я солгала, назвав себя Клементиной. Я – несчастный карбонарий...

Ванина удивленно взглянула на нее, отодвинулась и встала со стула.

– Чувствую, – продолжал карбонарий, – что этим признанием я лишил себя единственной отрады, которая еще привязывает меня к жизни. Но я не хочу обманывать вас, это недостойно меня. Мое имя – Пьетро Миссирилли, мне девятнадцать лет; мой отец – бедный хирург в Сант-Анджело-ин-Вадо; я карбонарий. Нашу венту раскрыли. Меня в оковах привезли из Романьи в Рим, бросили в темный каземат, днем и ночью освещенный лишь маленькой лампочкой; там я провел тринадцать месяцев. Одной сострадательной душе явилась мысль спасти меня. Меня переодели в женское платье. Когда я вышел из тюрьмы и уже достиг последних ворот, один из караульных гнусно поносил карбонариев; я дал ему пощечину. Уверяю вас, я это сделал не из бесцельной удали – я просто забылся. Из-за этой моей опрометчивости за мной погнались по улицам Рима, и вот, в ночной темноте, раненный штыками, теряя силы от потери крови, я бросился в открытую дверь чьего-то дома. Слышу, солдаты бегут по лестнице за мной. Я прыгнул из окна в сад и упал в нескольких шагах от какой-то женщины, которая прогуливалась по аллее.

– Графиня Вителлески? Приятельница моего отца? – сказала Ванина.

– Как! Разве она вам говорила? – воскликнул Миссирилли. – Кто бы ни была эта дама, она спасла мне жизнь; имя ее никогда не надо произносить. Когда солдаты ворвались к ней, чтобы схватить меня, ваш отец уже увозил меня в своей карете... Мне плохо, очень плохо; вот уже несколько дней штыковая рана в плече не дает мне дышать. Я скоро умру и умру в отчаянии, оттого что больше не увижу вас...

Ванина слушала его нетерпеливо и поспешила уйти; Миссирилли не увидел в ее прекрасных глазах ни тени сострадания, а только оскорбленную гордость.

Ночью к нему явился хирург; он пришел один. Миссирилли был в отчаянии: он боялся, что больше никогда не увидит Ванину. Он стал расспрашивать хирурга; тот пустил ему кровь, но на вопросы ничего не отвечал. То же молчание и в следующие дни. Пьетро не сводил глаз с застекленной двери, в которую обычно входила с террасы Ванина. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Однажды, около полуночи, ему показалось, что кто-то стоит в темноте на террасе. Неужели Ванина?

Ванина приходила каждую ночь и, прикинув к застекленной двери, смотрела на него.

«Если я заговорю с ним, – думала она, – я погибла! Нет, я больше никогда не должна его видеть».

Но, вопреки своему решению, Ванина невольно вспоминала, какую дружбу она чувствовала к этому юноше, когда так простодушно считала его женщиной. И после столь задушевной близости позабыть его? В минуты благоразумия Ванину пугало, что все для нее как-то странно изменилось с тех пор, как Миссирилли открыл свое имя, – все, о чем она прежде думала, все, что постоянно видела вокруг, отошло куда-то, заволочлось туманом.

Не прошло и недели, как Ванина, бледная, дрожащая, вошла вместе с хирургом в комнату карбонария. Она явилась сказать, что надо уговорить князя, чтобы он передал уход за больным кому-нибудь из слуг. Она пробыла только минуту, но несколько дней спустя опять пришла вместе с хирургом – из чувства человеколюбия. Однажды вечером, хотя Миссирилли стало уже гораздо лучше и у Ванины больше не было оснований бояться за его жизнь, она дерзнула прийти одна. Увидев ее, Миссирилли почувствовал себя наверху блаженства, но постарался скрыть свою любовь: прежде всего он не желал уронить свое достоинство, как и подобает мужчине. Ванина вошла к нему в комнату, сгорая от стыда, боясь услышать любовные речи, и была очень опечалена, что он встретил ее словами дружбы, благородной, преданной дружбы, но без единой искры нежности. Когда она собралась уходить, Пьетро даже не пытался удержать

ее.

Через несколько дней она пришла опять. Встреча была точно такая же: те же почтительные уверения в преданности и вечной признательности. Ванина теперь совсем не стремилась охладить восторги юного карбонария: напротив, она боялась, что он не разделяет ее любви. Девушка, прежде столь гордая, с горечью почувствовала, как велико ее безумство. Она старалась казаться веселой, даже равнодушной, стала бывать реже, но никак не могла решиться совсем отказаться от посещений больного.

Миссирилли горел любовью, но, помня о своем низком происхождении и оберегая свое достоинство, решил, что позволит себе заговорить о любви лишь в том случае, если целую неделю не увидит Ванины. Гордая княжна оборонялась стойко.

«Ну что ж! – сказала она себе. – Я навещаю его, мне это приятно, но я никогда не признаюсь ему в своих чувствах».

Она подолгу засиживалась у больного, а он разговаривал с нею так, словно их слушали двадцать человек. Однажды вечером, после того как Ванина весь день ненавидела его и давала себе обещание держаться с ним еще холоднее, еще суровее, чем обычно, она вдруг сказала ему, что любит его. Вскоре они всецело отдались своему чувству.

Итак, безумство Ванины оказалось безмерным, но, надо признаться, она была совершенно счастлива. Миссирилли уже не старался оберегать свое мужское достоинство: он любил, как любят первой любовью в девятнадцать лет, как любят в Италии. С чистосердечием беззаветной страсти он даже признался гордой княжне, какую тактику применил, чтобы добиться ее взаимности. Он был счастлив и сам дивился, что можно быть таким счастливым.

Четыре месяца пролетели незаметно. И вот настал день, когда хирург возвратил больному свободу.

«Что мне теперь делать? – думал Миссирилли. – По-прежнему скрываться у одной из красивейших в Риме женщин? А подлые тираны, державшие меня тринадцать месяцев в темнице, где я не видел солнечного света, подумают, что они сломили меня. Италия, ты поистине несчастна, если твои сыны способны так легко покинуть тебя!»

Ванина не сомневалась, что для Пьетро будет величайшим счастьем навсегда остаться с нею: он и в самом деле казался вполне счастливым. Но злая шутка генерала Бонапарта горьким упреком звучала в душе этого юноши и влияла на его отношение к женщинам. В 1796 году, когда генерал Бонапарт покидал Брешию [1], городские власти, провожавшие его до заставы, сказали ему, что жители Брешии чтят свободу больше, чем все остальные итальянцы.

[1] Брешия – город в Ломбардии (Сев. Италия).

«Да, – ответил он, – они любят разглагольствовать о ней со своими возлюбленными».

Пьетро несколько смущенно сказал Ванине:

– Сегодня, как только стемнеет, мне надо выбраться отсюда.

– Постарайся, пожалуйста, – вернуться до рассвета. Я буду ждать тебя.

– На рассвете я уже буду в нескольких милях от Рима.

– Вот как! – холодно сказала Ванина. – А куда же вы пойдете?

– В Романью, отомстить за себя.

– Я богата, – продолжала Ванина самым спокойным тоном. – Надеюсь, вы примете от меня оружие и деньги.

Миссирилли несколько мгновений пристально смотрел ей в глаза и вдруг сжал ее в объятиях.

– Моя душа, жизнь моя! Ты все заставишь меня позабыть, даже мой долг, – сказал он. – Но ведь у тебя такое благородное сердце, ты должна понять меня.

Ванина пролила много слез, и было решено, что он уйдет из Рима только через день.

– Пьетро, – сказала она на следующий день, – вы часто говорили мне, что человек с именем – ну, например, римский князь – и к тому же располагающий большим состоянием мог бы оказать делу свободы большие услуги, если когда-либо Австрия вступит в серьезную войну вдали от наших границ.

– Разумеется, – удивленно сказал Пьетро.

– Ну так вот! Вы отважный человек, вам недостает только высокого положения; я вам предлагаю свою руку и двести тысяч

ливров дохода. Согласия отца я добьюсь.

Пьетро бросился к ее ногам. Ванина вся сияла от радости.

– Я люблю вас страстно, – сказал он, – но я бедняк и я слуга своей родины. Чем несчастнее Италия, тем больше должен я хранить верность ей. Чтобы добиться согласия дона Аздрубале, мне пришлось бы несколько лет играть жалкую роль. Ванина, я отказываюсь от тебя!

Миссирилли спешил связать себя этими словами: мужество его ослабевало.

– На свою беду, – воскликнул он, – я люблю тебя больше жизни и покинуть Рим для меня страшнее пытки! Ах, зачем Италия еще не избавлена от варваров! С какой радостью я уехал бы с тобою в Америку!

Ванина вся похолодела. Ее руку отвергли! Гордость ее была уязвлена. Но через минуту она бросилась в объятия Миссирилли.

– Никогда еще ты не был мне так дорог! – воскликнула она. – Да, я твоя навеки... Милый мой деревенский лекарь, ты велик, как наши древние римляне!

Все заботы о будущем, все унылые советы благоразумия позабылись. Это было мгновение чистой любви. И, когда они уже были в состоянии говорить рассудительно, Ванина сказала:

– Я приеду в Романью почти одновременно с тобою. Я прикажу прописать мне лечение на водах в Поретто [1]. Остановлюсь я в нашем замке Сан-Николо, близ Форли... [2]

[1] Поретто – курорт близ Форли, в Романье.

[2] Форли – город в провинции того же названия, в области Романья.

– И там жизнь моя соединится с твоею! – воскликнул Миссирилли.

– Отныне мой удел на все дерзать, – со вздохом сказала Ванина.

– Я погублю свою честь ради тебя, но все равно... Будешь ли ты любить опозоренную девушку?

– Разве ты не жена мне? – воскликнул Миссирилли. – Обожаемая жена! Я вечно буду тебя любить и сумею постоять за тебя.

Ванине нужно было ехать в гости. Едва Миссирилли остался один, как его поведение показалось ему варварским. «Что такое

родина? – спрашивал он себя. – Ведь это не какое-нибудь живое существо, к которому мы обязаны питать признательность за благодеяния и которое станет несчастным и будет проклинать нас, если мы изменим ему. Нет, родина и свобода – это как мой плащ: полезная одежда, которую я должен купить, если только не получил ее в наследство от отца. В сущности, я люблю родину и свободу потому, что они мне полезны. А если они мне не нужны, если они для меня как теплый плащ в летнюю жару, зачем мне покупать их, да еще за столь дорогую цену? Ванина так хороша и так необычайна! За ней будут ухаживать, она позабудет меня. У какой женщины бывает только один возлюбленный? Как гражданин, я презираю всех этих римских князей, но у них столько преимуществ передо мною. Они, должно быть, неотразимы! Да, если я уйду, она позабудет меня, и я навсегда ее потеряю».

Ночью Ванина пришла навестить его. Пьетро рассказал ей о своих колебаниях и о том, как под влиянием любви к ней в душе его возник странный спор о великом слове «родина». Ванина ликовала.

«Если ему придется выбирать между мной и родиной, – думала она, – он отдаст предпочтение мне».

На соседней колокольне пробило три часа. Настала минута последнего прощания. Пьетро вырвался из объятий своей подруги. Он уже стал спускаться по лестнице, как вдруг Ванина, сдерживая слезы, сказала ему с улыбкой:

– Послушай, если бы во время твоей болезни о тебе заботилась какая-нибудь деревенская женщина, разве ты ничем не отблагодарил бы ее? Разве не постарался бы заплатить ей? Будущее так неверно! Ты уходишь, в пути вокруг тебя будет столько врагов! Подари мне три дня, заплати мне за мои заботы, как будто я бедная крестьянка.

Миссирилли остался.

Наконец он покинул Рим и благодаря паспорту, купленному в иностранном посольстве, достиг родительского дома. Это была для семьи великая радость: его уже считали умершим.

Друзья хотели отпраздновать его благополучное возвращение, убив двух-трех карабинеров (так в Папской области называются жандармы).

– Не будем без крайней нужды убивать итальянцев, умеющих владеть оружием, – возразил им Миссирилли. – Наша родина не остров, как счастливица Англия; чтобы сопротивляться вторжению европейских монархов, нам понадобятся солдаты.

Спустя некоторое время Миссирилли, спасаясь от погони, убил двух карабинеров из пистолетов, подаренных ему Ваниной.

За его голову назначили награду.

Ванина все не приезжала в Романью. Миссирилли решил, что он забыт. Самолюбие его было задето; он часто думал теперь о том, что разница в общественном положении воздвигла преграду между ним и его возлюбленной. Однажды, в минуту горьких сожалений о былом счастье, ему пришло в голову вернуться в Рим, узнать, что делает Ванина. Эта сумасбродная мысль едва не взяла верх над сознанием долга, но вдруг как-то в сумерки церковный колокол зазвонил в горах к вечерне, и так странно, будто на звонаря напала рассеянность. Это был сигнал к собранию венты, в которую Миссирилли вступил, лишь только вернулся в Романью. В ту же ночь все карбонарии встретились в лесу, в обители двух отшельников. Оба они спали крепким сном под действием опиума и даже не подозревали, для каких целей воспользовались их хижиной. Миссирилли пришел очень грустный, и тут ему сказали, что глава венты арестован и что своим новым главой карбонарии решили избрать его, Пьетро, двадцатилетнего юношу, хотя среди них были и пятидесятилетние старики – люди, участвовавшие в заговорах со времен похода Мюрата в 1815 году. Принимая эту неожиданную честь, Пьетро почувствовал, как забилося у него сердце. Лишь только он остался один, он принял решение не думать больше о молодой римлянке, так скоро забывшей его, и все свои помыслы отдать долгу освобождения Италии от варваров [1].

Два дня спустя Миссирилли в списке прибывших и выехавших лиц, который ему доставляли как главе венты, прочел, что княжна Ванина прибыла в свой замок Сан-Николо. Имя это внесло в его душу радость и смятение. Напрасно он ради преданности родине подавил желание в тот же вечер помчаться в замок Сан-Николо – мысли о Ванине, которой он пренебрег, не давали ему сосредоточиться на своих обязанностях. На следующий день они

встретились; Ванина любила его все так же. Задержалась она в Риме оттого, что отец, желая выдать ее замуж, не отпускал ее. Она привезла с собой две тысячи цехинов [2].

Эта неожиданная поддержка очень помогла Миссирилли достойно выполнить его новые почетные обязанности. На острове Корфу [3] заказали кинжалы, подкупили личного секретаря легата [4], руководившего преследованиями карбонариев, и таким путем достали список священников, состоявших шпионами правительства.

[1] *Liberar l'Italia del barbari* (итал.) – боевой клич Петрарки в 1350 году, повторенный затем Юлием II, Макиавелли и графом Альфьери.

[2] Цехин – старинная золотая венецианская монета.

[3] Корфу – остров в Средиземном море, недалеко от Италии.

[4] Легат – папский представитель, наделенный большими полномочиями.

Как раз в это время готовился заговор – один из наименее безрассудных, когда-либо возникавших в многострадальной Италии. Я не буду входить в излишние подробности, скажу только, что, если б он увенчался успехом, Миссирилли досталась бы немалая доля славы. Благодаря ему несколько тысяч повстанцев поднялись бы по данному сигналу с оружием в руках и ждали бы прибытия предводителей. Приближалась решительная минута, и вдруг, как это всегда бывает, заговор провалился из-за ареста руководителей.

Лишь только Ванина приехала в Романью, ей показалось, что любовь к родине затмила в сердце Миссирилли всякую иную страсть. Гордость молодой римлянки была возмущена. Напрасно она старалась образумить себя – мрачная тоска томила ее, и она ловила себя на том, что прокликает свободу. Однажды, приехав в Форли повидаться с Миссирилли, она не могла совладать с собой, хотя до тех пор гордость всегда помогала ей скрывать свое горе.

– Вы и в самом деле любите меня, как муж, – сказала она. – Я не этого ждала.

Она разразилась слезами, но плакала она только от стыда, что

унизилась до упреков. Миссирилли утешал ее; однако видно было, что он занят своими заботами, И вдруг Ванине пришла в голову мысль бросить его и вернуться в Рим. Она с жестокой радостью подумала, что это будет ей наказанием за слабость: к чему было жаловаться! В минуту молчания намерение ее окрепло, Ванина сочла бы себя недостойной Миссирилли, если б не бросила его. Она с наслаждением думала о его горестном удивлении, когда он будет напрасно ждать, искать ее тут. Но вскоре ее глубоко взволновала мысль, что она не сумела сохранить любовь этого человека, ради которого совершила столько безумств. Прервав молчание, она заговорила с ним. Она всеми силами добивалась хоть одного слова любви. Пьетро отвечал ей ласково, нежно, но так рассеянно... Зато какое глубокое чувство прозвучало в его голосе, когда, коснувшись своих политических замыслов, он скорбно воскликнул:

– Ах, если нас опять постигнет неудача, если и этот заговор раскроют, я уеду из Италии!

Ванина замерла: с каждой минутой ее все сильнее терзал страх, что она видит любимого в последний раз. Слова его заронили роковую искру в ее мысли.

«Карбонарии получили от меня несколько тысяч цехинов. Никто не может сомневаться в моем сочувствии заговору...» Прервав свое раздумье, она сказала Пьетро:

– Прошу тебя, поедem со мной в Сан-Николо, только на одни сутки! Сегодня вечером тебе нет необходимости присутствовать на собрании венты. А завтра утром мы уже будем в Сан-Николо, будем бродить по полям; ты отдохнешь, успокоишься, а тебе так нужны все твои силы и самообладание: ведь близятся великие события.

Пьетро согласился.

Ванина ушла от него, чтобы подготовиться к путешествию, и, как обычно, заперла на ключ ту комнату, где прятала его. Она поспешила к бывшей своей горничной, которая вышла замуж и теперь держала лавочку в Форли. Прибежав к этой женщине, Ванина торопливо написала на полях часослова [1], оказавшегося в комнате, несколько строк, точно указав место, где должна была собраться ночью вента карбонариев. Она закончила донос

следующими словами: «Вента состоит из девятнадцати человек. Вот их имена и адреса». Составив полный список, где отсутствовало только имя Миссирилли, она сказала этой женщине, пользовавшейся ее доверием:

– Отнеси книгу кардиналу-легату [2]. Пусть он прочтет то, что написано на полях, и вернет ее тебе. Вот возьми десять цехинов. Если когда-нибудь легат произнесет твое имя, тебе не миновать смерти; но если ты заставишь его прочесть исписанную страницу, ты спасешь мне жизнь.

[1] Часослов – церковная книга, в которой, кроме молитв, есть и церковные песнопения.

[2] Кардинал – высшее после папы духовное звание в католичестве. Кардинал-легат – представитель папы, наделенный особыми полномочиями.

Все удалось превосходно. Легат так перепугался, что утратил всю свою вельможную важность. Он разрешил простолюдинке, желавшей поговорить с ним по секретному делу, не снимать маску, но приказал связать ей руки. В таком виде лавочница и появилась перед этим высоким сановником; он не решился выйти из-за огромного стола, покрытого зеленым сукном.

Легат прочел исписанную страницу, держа часослов очень далеко от себя, из опасения, что книга пропитана каким-нибудь ядом. Затем он возвратил часослов лавочнице и даже не послал шпионов по ее следам. Не прошло и сорока минут с тех пор, как Ванина ушла из дому, а она уже повидалась с возвратившейся горничной и побежала к Миссирилли, твердо веря, что отныне он всецело принадлежит ей. Она сказала ему, что в городе необыкновенное движение, везде ходят патрули, даже по таким улицам, где их никогда не видели.

– Послушайся меня, – добавила она, – уедем сейчас же в Сан-Николо.

Миссирилли согласился. Они вышли пешком из города; неподалеку от заставы Ванину поджидала карета, где сидела ее компаньонка, молчаливая и щедро оплачиваемая наперсница. По приезде в Сан-Николо Ванина в смятении от своего чудовищного проступка с

нежностью льнула к Пьетро. Но когда она говорила ему слова любви, ей казалось, что она разыгрывает комедию. Накануне, совершая предательство, она забыла об угрызениях совести. Обнимая возлюбленного, она думала: «Стоит теперь кому-нибудь сказать Пьетро одно слово, одно только слово – и он навеки возненавидит меня...»

– Глубокой ночью в спальню вошел один из слуг Ванины. Человек этот был карбонарий, о чем она и не подозревала. Значит, у Миссирилли были тайны от нее даже в этом? Она содрогнулась. Слуга пришел предупредить Миссирилли, что в эту ночь в Форли оцепили дома девятнадцати карбонариев, а их самих арестовали, когда они возвращались с собрания венты. На них напали врасплох, по все же девяти карбонариям удалось бежать. Десять остальных карабинеры отвели в крепость. Войдя на тюремный двор, один из арестованных бросился в глубокий колодец и разбился насмерть. Ванина переменялась в лице; к счастью для нее, Пьетро этого не заметил: он мог бы прочесть в ее глазах совершенное ею преступление...

– Солдаты гарнизона, – добавил слуга, – оцепили уже все улицы в Форли. Они стоят так близко друг от друга, что могут переговариваться. Жителям разрешают переходить через улицу только в том месте, где стоит офицер.

Когда слуга вышел, Пьетро задумался.

– Сейчас ничего нельзя сделать, – сказал он наконец. Ванина была ни жива ни мертва; она вздрагивала от каждого взгляда возлюбленного.

– Что с вами, Ванина? Вы какая-то странная сегодня, – сказал он.

Потом стал думать о другом и отвел от нее взгляд. Днем она осмелилась сказать ему:

– Вот еще одна вента раскрыта. Мне думается, вы некоторое время будете жить спокойно.

– Очень спокойно, – промолвил Миссирилли с усмешкой, от которой она затрепетала.

Ванина решила отправиться в деревню Сан-Николо к священнику, состоявшему, возможно, шпионом иезуитов. К обеду, в семь часов, она вернулась и увидела, что комната, где она спрятала

возлюбленного, опустела. Не помня себя, она бросилась искать его по всему дому, но нигде не нашла. В полном отчаянии она вернулась в комнату и только тогда заметила на столе записку. Она прочла:

«Я уйду, чтобы отдать себя в руки легата. Я потерял веру в успех нашего дела: само небо против нас. Кто нас выдал? Должно быть, тот негодяй, который бросился в колодец. Жизнь моя теперь не нужна несчастной Италии, и я не хочу, чтобы товарищи, видя, что только одного меня не арестовали, могли подумать, будто я их предал. Прощайте! Если вы любите меня, приложите все силы, чтобы отомстить за нас. Покарайте, уничтожьте подлого предателя, будь это даже мой отец!»

Ванина упала на стул почти в беспамятстве, терзаясь жестокой мукой. Она не могла произнести ни слова, не уронила ни одной слезы; глаза ее горели.

Наконец она бросилась на колени.

– Боже великий! – воскликнула она. – Прими мой обет. Да, я покараю подлого предателя! Но помоги мне сначала вернуть свободу Пьетро.

Час спустя она уже ехала в Рим. Отец давно торопил ее вернуться. В отсутствие дочери он обещал ее руку князю Ливио Савелли. Как только Ванина приехала, отец боязливо заговорил с ней об этом. К великому его удивлению, она сразу согласилась. В тот же вечер в гостиной графини Вителлески отец почти официально представил ей дону Ливио как жениха; она долго беседовала с ним. Молодой князь был образцом элегантности, держал великолепных лошадей, в обществе его считали весьма остроумным, но очень ветреным; он не мог возбуждать никаких подозрений у правительства. Ванина решила, что, вскружив ему голову, она сделает его исполнителем ее планов. Она рассчитывала, что шпионы не осмелятся следить за племянником монсиньора Савелли-Катанцара – римского губернатора и министра полиции.

В течение нескольких дней она дарила благосклонным вниманием любезного дона Ливио, а затем объявила ему, что никогда не

будет его женой: по ее мнению, у него слишком легкомысленный ум.

– Не будь вы ребенком, – сказала она, – подчиненные вашего дядюшки не имели бы от вас тайн. Например, что собираются сделать с теми карбонариями, которых недавно арестовали в Форли?

Через два дня Ливио пришел сообщить ей, что все арестованные в Форли карбонарии бежали.

С презрительной и горькой улыбкой она остановила на нем взгляд своих огромных черных глаз и за весь вечер не удостоила его ни одним словом.

Через день дон Ливио, краснея, признался ей, что его обманули.

– Но я достал ключ от кабинета дядюшки, – добавил он, – порылся там в бумагах и знаю теперь, что назначена конгрегация, то есть комиссия, составленная из самых влиятельных кардиналов и прелатов; на днях она соберется в величайшей тайне и решит вопрос, где судить этих карбонариев – в Равенне или в Риме. В настоящее время все девять арестованных карбонариев и их вожак, некий Миссирилли, который по глупости добровольно отдался в руки властей, содержатся в замке Сан-Леоне.

При слове «глупость» Ванина больно ущипнула князя Ливио.

– Я сама хочу проникнуть вместе с вами в кабинет вашего дядюшки, – сказала она, – и собственными глазами увидеть эти бумаги. Вы, наверно, плохо прочли.

Услышав такие слова, Ливио испугался: Ванина требовала от него почти невозможного; но своенравие этой девушки только усиливало его любовь. Несколько дней спустя Ванина, переодевшись в красивую ливрею, какую носили слуги дома Савелли, провела полчаса в кабинете министра полиции за чтением секретнейших документов. Она вся вострепелась от радости, найдя среди них «дневник донесений о подсудимом Пьетро Миссирилли». У нее дрожали руки, когда она держала эти бумаги. Она еще раз перечла его имя и едва не лишилась чувств. Выходя из губернаторского дворца, Ванина позволила Ливио поцеловать ее.

– Вы прекрасно выдерживаете испытания, которым я решила

подвергнуть вас.

После такой похвалы молодой князь в угоду Ванине готов был поджечь Ватикан [1].

[1] Ватикан – папский дворец в Риме.

В тот вечер давали бал во французском посольстве. Ванина много танцевала, и почти все время с Ливио. Он опьянел от счастья, – надо было не давать ему опомниться.

– У моего отца бывают иногда странности, – сказала ему однажды Ванина. – Сегодня утром он прогнал двух слуг, и они пришли ко мне плакаться. Один из них просил, чтобы я устроила его на службу к губернатору, а другой, отставной солдат, служивший в артиллерии при французах, хотел бы получить место в крепости Святого Ангела.

– Я их обоих возьму к себе на службу, – быстро ответил молодой князь.

– А разве я прошу вас об этом? – надменно возразила Ванина. – Я вам в точности передала просьбу этих несчастных людей. Оба должны получить именно то, что они просят.

Ничего не могло быть труднее. Монсиньор Катанцара отнюдь не отличался доверчивостью и допускал в свой дом только людей, хорошо ему известных.

Внешне жизнь Ванины по-прежнему была заполнена, всевозможными удовольствиями, но ее мучило раскаяние, и она была очень несчастна. Медлительность событий убивала ее. Поверенный отца достал ей денег. Что делать? Уйти из отцовского дома, поехать в Романью и попытаться устроить побег Пьетро? Мысль безрассудная, но Ванина уже готова была осуществить ее, как вдруг случай сжалился над нею.

Дон Ливио сказал ей:

– Скоро в Рим привезут десять карбонариев венты Миссирилли, а если им вынесут смертный приговор, казнь произойдет в Романье. Мой дядя добился этого от папы нынче вечером. Во всем Риме только мы с вами знаем эту тайну. Вы довольны мной?

– Вы становитесь настоящим мужчиной, – ответила Ванина. – Подарите мне ваш портрет.

Накануне того дня, когда Миссирилли должны были привезти в Рим. Ванина придумала предлог, чтобы приехать в Читта-Кастеллана. В тюрьме этого города поместили на ночлег карбонариев, которых пересылали из Романьи в Рим. Утром, когда их отправили из тюрьмы, она увидела Миссирилли: его везли в тележке одного, закованного в цепи; он был очень бледен, но, казалось, нисколько не пал духом. Какая-то старушка бросила ему букет фиалок. Миссирилли с улыбкой поблагодарил ее.

Ванина увидела возлюбленного и как будто возродилась, почувствовала прилив мужества. Задолго до этой встречи она добилась повышения в должности для аббата Кари, состоявшего экономом в крепости Святого Ангела, куда должны были заключить Миссирилли; она взяла этого добросердечного священника себе в духовники. А в Риме немало веса придает положение духовника княжны, племянницы губернатора.

Процесс форлийских карбонариев не затянулся. Партия ультраконсерваторов не могла помешать, чтобы он состоялся в Риме, но в отместку за это добилась назначения в судебную комиссию самых честолюбивых прелатов [1]. Председателем комиссии был министр полиции.

Закон против карбонариев совершенно ясен. Форлийские заговорщики не могли питать никакой надежды, но они держались мужественно и весьма искусно защищали свою жизнь. Тем не менее их не только приговорили к смертной казни, но некоторые судьи даже требовали жестоких пыток, четвертования, отсечения рук и так далее. Министр полиции уже составил себе карьеру (с этого поста прямой путь к красной шапке кардинала), и поэтому у него не было нужды отсекал карбонариям руки; представив приговор на утверждение, он уговорил папу заменить осужденным смертную казнь долголетним тюремным заключением. Только для Пьетро Миссирилли приговор оставили в силе. Министр видел в нем опасного фанатика, и к тому же Миссирилли уже ранее был приговорен к смерти за убийство двух карабинеров, о котором мы упоминали.

Ванина узнала о приговоре и помиловании через несколько минут после того, как министр вернулся от папы.

На другой день монсиньор Катанцара возвратился домой около

полуночи и нигде не мог найти своего камердинера; весьма удивляясь этому, он позвонил несколько раз. Наконец на звонки явился дряхлый и выживший из ума слуга; министр потерял терпение и решил раздеться сам.

Было очень жарко; заперев дверь на ключ, он сбросил с себя платье и, скомкав его, швырнул на стул. Платье было брошено с такой силой, что перелетело через стул, задело за муслиновую гардину, и позади нее обрисовалась человеческая фигура. Министр кинулся к постели и схватил пистолет. Когда он подошел к окну, из-за гардины выступил юноша в лакейской ливрее и шагнул к нему с пистолетом в руке. Увидев это, министр прицелился и уже хотел выстрелить, но юноша сказал ему, смеясь:

– Как, монсеньор! Вы не узнали Ванину Ванিনি?

– Что означает эта глупая шутка? – гневно спросил министр.

– Поговорим хладнокровно, – сказала Ванина. – Во-первых, ваш пистолет не заряжен.

Министр, к удивлению своему, убедился, что это верно. Тогда он вытащил из жилетного кармана кинжал [2].

[1] Прелат – представитель высшего католического духовенства.

[2] Римский прелат, конечно, не мог бы доблестно командовать армейским корпусом, как это не раз делал дивизионный генерал, бывший министром в Париже, когда Малле пытался поднять мятеж, но он никогда не дал бы так легко арестовать себя дома. Он побоялся бы насмешек своих коллег. Римлянин, знающий, что его ненавидят, всегда хорошо вооружен. Автор не считал необходимым объяснять ряд других мелких различий в поведении и речах парижан и римлян. Он не хотел сглаживать эти различия и считал нужным смело описать их. Римляне, изображенные автором, не имеют чести быть французами. (Примеч. автора.)

Ванина сказала ему очаровательно-властным тоном:

– Сядем, монсеньор.

И преспокойно опустилась на диван.

– Вы одна по крайней мере? – спросил министр.

– Совершенно одна, клянусь вам! – воскликнула Ванина.

Министр поспешил проверить это заявление: он обошел всю комнату, заглянул повсюду. Затем уселся на стул в трех шагах от Ванины.

– Ну, для чего мне, – сказала Ванина спокойно и мягко, – посягать на жизнь благоразумного правителя, на смену которому придет, вероятно, какой-нибудь слабый человек с горячей головой, способный только погубить себя и других?

– Так что же вам угодно, сударыня? – досадливо спросил министр. – Прошу вас кончить как можно скорее эту неподобающую сцену.

– То, что я сейчас скажу, – высокомерно произнесла Ванина, сразу оставив любезный тон, – для вас важнее, чем для меня. Есть люди, которые желают, чтобы Миссирилли сохранили жизнь; если его казнят, вы после этого не проживете и недели. Мне судьба его безразлична; сумасбродную выходку, на которую вы жалуетесь, я позволила себе, во-первых, для забавы, а во-вторых, ради одной из своих подруг. Я хотела также, – продолжала Ванина, возвращаясь к тону светской дамы, – оказать услугу умному человеку, который вскоре будет моим дядей и, по всей видимости, прославит свой род.

Министр сразу смягчился – красота Ванины немало способствовала этой внезапной перемене. В Риме известна была слабость монсиньора Катанцара к красивым женщинам, а Ванины была прелестна с пистолетом в руке, в костюме выездного лакея дома Савелли, в шелковых, туго натянутых чулках, красном камзоле и голубом кафтане, обшитом серебряным позументом.

– Будущая моя племянница, – сказал министр, развеселившись, – вы действительно позволили себе сумасбродную выходку и, вероятно, не последнюю.

– Надеюсь, что такой благоразумный человек, как вы, сохранит ее в тайне от всех, особенно от Ливио; а чтобы побудить вас к этому, я вас поцелую, если вы подарите жизнь карбонарию, которому покровительствует моя подруга.

Беседа продолжалась в том же полушутливом тоне, каким знатные римлянки умеют обсуждать важные дела, и Ванине удалось придать этой встрече, начавшейся с угрозы пистолетом, характер визита будущей княгини Савелли к ее дяде, римскому губернатору.

Вскоре монсиньор Катанцара, надменно отбросив всякую мысль, что его припугнули, уже рассказывал племяннице, какие препятствия его ожидают, если он решит спасти жизнь Миссирилли. Говоря об этом, он ходил вместо с нею по комнате; остановившись на минуту, он взял с камина графин и налил из него в хрустальный стакан лимонаду; когда он уже поднес его к губам, Ванина завладела этим стаканом, подержала в руке и, словно нечаянно, уронила его в сад. Через минуту министр взял из бомбоньерки шоколадную конфету. Ванина отняла ее и сказала, смеясь:

– Берегитесь! У вас здесь все отравлено: вас хотели умертвить. А я добилась помилования своего будущего дяди, чтобы не войти в семейство Савелли с пустыми руками.

Монсиньор Катанцара удивленно поблагодарил племянницу и подал ей большие надежды на помилование Миссирилли.

– Итак, мы заключили, сделку, и в подтверждение ее вот вам награда, – сказала Ванина, целуя его.

Министр принял награду.

– Надо вам сказать, дорогая Ванина, – заметил он, – что я сам не люблю крови. И к тому же я еще молод, хотя вам, вероятно, кажусь стариком. Я, пожалуй, доживу до такого времени, когда кровь, пролитая сегодня, выступит позорным пятном.

Пробило уже два часа ночи, когда монсиньор Катанцара проводил Ванину до калитки своего сада.

Через день министр явился к папе, весьма смущенный тем шагом, который ему предстояло сделать, и вдруг его святейшество сказал ему:

– Прежде всего я хочу воззвать к вашему милосердию. Одному из форлийских карбонариев приговор не смягчен, и мысль об этом лишила меня сна. Надо спасти этого человека.

Министр, видя, что папа опередил его, представил множество возражений и в конце концов написал указ *In moto proprio* [1], который папа подписал сам, вопреки обычаю.

[1] *In moto proprio* (лат.) – по собственному побуждению.

Ванина думала, что она, может быть, и добьется помилования

своего возлюбленного, но его постараются отравить. Еще накануне папского указа Миссирилли получил от аббата Кари, духовника Ванины, несколько пакетов с морскими сухарями и предупреждение не притрагиваться к казенной пище.

Затем Ванина узнала, что форлийских карбонариев переводят в крепость Сан-Леоне, и решила во что бы то ни стало увидеться с Миссирилли на этапе в Читта-Кастеллана. Она приехала в этот город за сутки до прибытия узников. Там она встретилась с аббатом Кари, который прибыл раньше ее на несколько дней. Он убедил смотрителя тюрьмы разрешить Миссирилли присутствовать на полуночной службе в тюремной часовне. И даже больше: если Миссирилли согласится, чтобы ему надели цепи на руки и на ноги, смотритель обещал отойти к дверям часовни, – тогда он не упустит из виду узника, за которого несет ответственность, но не будет прислушиваться к разговору.

Настал наконец день, когда должна была решиться судьба Ванины. Уже с утра она заперлась в тюремной часовне. Кто скажет, какие мысли волновали ее весь этот долгий день! Любит ли ее Пьетро настолько, что все простит? Она выдала венту, но ему она спасла жизнь. Когда голос рассудка брал верх над смятением души, Ванина надеялась, что Пьетро согласится покинуть Италию, уехать вместе с нею, – ведь она согрешила только от избытка любви. Пробило четыре часа. Она услышала вдалеке стук конских копыт: в город въехал конвой карабинеров. Каждый звук отдавался в ее сердце. Вскоре загрохотали телеги: везли осужденных. Они остановились на маленькой площади перед тюрьмой. Ванина видела, как два карабинера приподняли Миссирилли, – он ехал один, скованный цепями, и не мог пошевелиться.

– Но все-таки он жив! – шептала она со слезами на глазах. – Они еще не отравили его.

Этот вечер был пыткой. Высоко над алтарем горела одинокая лампада, в которую тюремщик скупко наливал масло, и свет ее чуть брезжил в темной часовне. Ванина окидывала взглядом гробницы средневековых вельмож, умерших в соседней тюрьме. Их каменные изваяния, казалось, злобно смотрели на нее.

Все уже давно затихло. Ванина ждала, погрузившись в мрачные

мысли. Пробило полночь, и вскоре послышался какой-то шелест, словно летучая мышь пролетела. Ванина повернулась, хотела шагнуть и почти без чувств поникла на балюстраду, отделявшую алтарь. В то же мгновение два призрака неслышно выросли перед ней. Это были тюремщик и Миссирилли, весь опутанный цепями. Тюремщик открыл дверцу фонаря и поставил его на столбик решетки рядом с Ваниной, чтобы свет падал на узника, затем отошел к дверям. Едва тюремщик удалился, Ванина бросилась Миссирилли на грудь, сжала его в объятиях и ощутила холодные острые грани цепей. «Кто его заковал?» – думала она. Объятие было безрадостным. А вслед за этим ее пронзила жестокая боль: ей показалось вдруг, что Миссирилли знает о ее преступлении, – так холодно он встретил ее.

– Дорогой друг, – сказал он наконец. – Я глубоко сожалею, что вы полюбили меня. Не вижу в себе достоинств, которыми я мог бы заслужить такую любовь. И поверьте, лучше нам обратиться к другим, более священным чувствам. Оставим заблуждения, когда-то ослеплявшие нас. Я не могу принадлежать вам. Постоянные неудачи преследовали все мои начинания – быть может, оттого, что я находился во власти смертного греха. Ведь если внять хотя бы только голосу здравого рассудка, так почему я не был арестован вместе со всеми моими товарищами в ту роковую ночь? Почему в минуту опасности я покинул свой пост? Почему мое отсутствие дало повод к ужаснейшим подозрениям? Не одну лишь свободу Италии возлюбил я – мною владела иная страсть.

Ванина не могла прийти в себя от изумления. Как переменился Миссирилли! Он не очень исхудал, но на вид ему можно было дать лет тридцать. Ванина подумала, что виною этому мучения, перенесенные им в тюрьме, и заплакала.

– Ах, – воскликнула она, – ведь тюремщики обещали мне не обращаться с тобой жестоко!

Она не знала, что близость смерти пробудила в душе юного карбонария все те религиозные чувства, какие только могли сочетаться с его служением свободе Италии. Но мало-помалу Ванина поняла, что разительная перемена в ее возлюбленном вызвана нравственными причинами, а вовсе не физическими страданиями. И горе ее, казалось, уже достигшее последнего

предела, возросло еще больше.

Миссирилли молчал. Ванина задыхалась от рыданий. Он и сам был немного взволнован и сказал:

– Если я и любил кого-нибудь в целом мире, то только вас, Ванина. Но благодаря богу у меня теперь лишь одна цель в жизни, и я умру в тюрьме или погибну в борьбе за свободу Италии.

Опять настало молчание. Ванина пыталась сказать хоть слово и не могла. Миссирилли добавил:

– Требования долга суровы, мой друг, но если бы их легко было выполнить, в чем же заключался бы героизм? Дайте мне слово, что вы больше не будете искать встречи со мной. – И, насколько позволяли цепи, он пошевелил рукой и попытался протянуть ее Ванине. – Позвольте человеку, который когда-то был для вас дорог, дать вам благоразумный совет: отец нашел для вас достойного жениха – выходите за него. Не делайте ему тягостных признаний, не ищите больше встречи со мною. Будем отныне чужими друг другу. Вы пожертвовали немалые деньги на дело освобождения родины. Если когда-нибудь она будет избавлена от тиранов, эти деньги вам возвратят полностью из национального имущества.

Ванина была потрясена: за все время разговора взгляд Пьетро заблестел только в то мгновение, когда он произнес слово «родина».

Наконец гордость пришла на помощь княжне. Она ничего не ответила Миссирилли, только протянула ему алмазы и маленькие пилки, которые принесла с собою.

– Я обязан принять их, – сказал он. – Мой долг – попытаться бежать. Но, невзирая на новое ваше благодеяние, я больше никогда не увижу вас – клянусь в этом! Прощайте, Ванина! Дайте слово никогда не писать мне, никогда не искать свидания со мной. Отныне я всецело принадлежу родине. Я умер для вас. Прощайте!

– Нет! – исступленно воскликнула Ванина. Подожди. Я хочу, чтобы ты узнал, что я сделала из любви к тебе.

И тут она рассказала обо всех своих стараниях спасти его, с того дня как он ушел из замка Сан-Николо и отдал себя в руки

легата. Закончив этот рассказ, она шепнула:

– Но все это еще такая малость! Я сделала больше из любви к тебе.

И она рассказала о своем предательстве.

– О чудовище! – в ярости крикнул Пьетро и бросился к ней, пытаясь убить ее своими цепями.

И он убил бы ее, если бы на крик не прибежал тюремщик. Он схватил Миссирилли.

– Возьми, чудовище! Я не хочу ничем быть тебе обязанным! – воскликнул Миссирилли.

Насколько позволяли цепи, он швырнул Ванине алмазы и пилки и быстро вышел.

Ванина была совершенно уничтожена. Она возвратилась в Рим; вскоре газеты сообщили о ее бракосочетании с князем Ливио Савелли.

Фредерик Стендаль.

«Французская новелла XIX века» / [Сост. Б.П.Мицкевич.]

– Мн.: Изд-во «Университетское», 1984

Перевод Н.И. Немчиновой. Некаýalar